

«НЕСИСТЕМНЫЕ» СМИ

№ 8 / август 2017

Мария Липман

От редактора

Перераспределение медиаресурсов от неблагонадежных владельцев к лояльным стало одним из первых шагов Кремля после избрания Путина президентом России. В начале 2000-х этот прием позволил в кратчайшие сроки превратить общенациональные телеканалы в политический ресурс власти, но при этом избежать применения жестких мер против журналистов. Невозможно отрицать, что тот период ознаменовался ущемлением свободы слова, но оно носило косвенный характер: «конфликт хозяйствующих субъектов», как именовался отъем медиасобственности у Владимира Гусинского, был шит белыми нитками, однако сами журналисты не подвергались гонениям. Любимцы зрителей с канала НТВ не приобрели в глазах сограждан статус бескомпромиссных борцов за свободу слова, пострадавших от рук Кремля. Государство даже не выдало им «волчий билет» — пусть время вольницы на телевидении закончилось, но журналисты могли продолжать работать и зарабатывать.

На том, раннем этапе, устанавливая контроль над федеральными телеканалами, Кремль стремился оградить массовую аудиторию от нежелательного влияния и таким образом минимизировать политические риски. Если в 90-е годы телевидение могло формировать у россиян негативное отношение к Чеченской войне или ставить под сомнение авторитет высших государственных лиц, в частности вышучивая их в сатирических передачах, то с начала 2000-х федеральные телеканалы руководствовались исключительно интересами Кремля.

Нишевые, либеральные СМИ с относительно небольшой аудиторией сохранили возможность и дальше строить редакционную политику по-своему, заботясь о соблюдении профессиональных стандартов, а не о том, чтобы потрафить Кремлю. Власть могла проявлять терпимость по отношению к дерзким критикам, поскольку обладала монопольным контролем над политическим процессом и надежно изолировала либеральные издания от массовой аудитории федеральных телеканалов. Таким образом, неподконтрольные СМИ не представляли политического риска, поскольку их влияние практически ограничивалось кругом единомышленников. Для самих либеральных журналистов это обеспечивало совсем неплохую среду: интересную работу, образованных и понимающих читателей, хорошие зарплаты. «В творческом смысле самым лучшим временем была середина 2000-х годов», — сказал в недавнем интервью бывший главный редактор журнала «Власть» Максим Ковальский. «Творческий» в этой цитате, по всей видимости, противопоставлен «политическому» — в 2000-е СМИ не функционировали как институт, который помогает обществу обеспечить подотчетность власти.

Именно Ковальский стал, вероятно, самой ранней жертвой изменившейся политики Кремля, когда на фоне думской кампании 2011 года терпимости пришел конец и отношение властей к нишевым, немассовым СМИ резко ужесточилось. Либеральные издания одно за другим стали испытывать серьезное давление. При этом Кремль мог положиться на лояльных собственников, которые по первому сигналу властей или даже не дожидаясь инструкций увольняли излишне дерзких и независимых редакторов. Объектом гонений неизменно становились те издания (хотя не только они), которым удавалось существенно расширить аудиторию и выйти за пределы «своего круга»; после протестов 2011–2012 годов и возвращения Путина в Кремль любой альтернативный авторитет лишился права на существование. В течение последующих пяти с лишним лет многие журналисты потеряли работу, часть изданий закрылась, какие-то стали лояльными или сменили формат на неполитический.

Перераспределение собственности на медиаресурсы как способ контроля над прессой и сегодня остается эффективным и актуальным приемом. В самое последнее время он был применен к холдингу РБК, управлять которым было доверено Григорию Березкину. Разумеется, передача медиа-активов в надежные руки — не единственный инструмент в распоряжении Кремля, но, хотя арсенал средств весьма широк, власти и теперь предпочитают избегать жестких методов в отношении профессиональных журналистов — в отличие, например, от Турции, где под арестом находятся более сотни журналистов, а издания закрываются по решению правительства.

Пространство для негосударственной журналистики неумолимо сужается. СМИ, пытающиеся проводить независимую редакционную политику, сегодня наперечет, так что тем, чье издание закрылось или «перепрофилировалось», даже без «волчьего билета» найти новую работу становится все труднее.

Авторы нынешнего номера Контрапункта пишут о тех проектах, московских и провинциальных, которые тем не менее и в нынешних условиях ищут способ заниматься своей профессиональной деятельностью.

Кроме того, в этом номере мы предлагаем вашему вниманию больший, чем обычно, выбор рецензий на недавно вышедшие книги, пока не опубликованные на русском языке. **Дэвид Хоффман** [рецензирует](#) обширный том, в котором *Светлана Савранская и Томас Блэнтон* собрали и откомментировали недавно рассекреченные архивные документы советско-американских и российско-американских саммитов. **Александр Габуев** предлагает [критический разбор](#) книги бывшего австралийского дипломата *Бобо Ло*, которая посвящает читателя в суть российско-китайских отношений. **Александр Кустарев** выбрал для [рецензии](#) работу французского автора *Кристофа Гийюи*, объясняющий характер нового «классового конфликта» во французском обществе. **Сергей Куделя** дает свою [оценку](#) книге *Джерарда Тоула*, в которой американский автор, избегая привычных клише, вдумчиво анализирует политику России на постсоветском пространстве. **Шон Гиллори** [представляет](#) книгу *Дага Роджерса*, в которой речь идет о нефти, точнее, о той роли, которую нефть сыграла в постсоветском развитии Пермского региона.